

УНИВЕРСАЛИЗМ И СУВЕРЕНИЗМ: МАЯТНИК ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Эмиль Паин

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID: [0000-0002-8796-187X](https://orcid.org/0000-0002-8796-187X)

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.01.00002>

Аннотация. Организаторы научной дискуссии «Универсальные нормы в эпоху суверенизма» вполне определенно выразили свое отношение к обозначенным явлениям, противопоставляя универсализм суверенизму, который оценивается как отказ, отступление элит от ценностей либеральной демократии: «Национальные элиты — как в старых, так и в новых демократиях — кажется, отказались от универсальных ценностей, определявших политическое развитие после Второй мировой войны и после «холодной войны». Вместо этого они выступают за превосходство интересов своих национальных государств — эта тенденция получила название суверенизма». В данной статье излагаются аргументы против односторонней оценки суверенизма как противоположности либеральным ценностям. В ней дается краткий исторический обзор взаимоотношений универсализма и суверенизма с либеральными ценностями, который показывает, что исторически эти отношения были разными и долгое время суверенизм был ближе к либерализму, чем универсализм. Выдвигаются три взаимосвязанные гипотезы: 1) о цикличности взаимоотношений между суверенизмом, универсализмом и либерализмом; 2) о том, что в современных условиях сохраняются старые и появляются новые факторы, которые делают суверенизм важным условием сохранения либеральных ценностей; 3) однако и, либеральный универсализм не терпит крах и не отступает, а лишь меняет свою форму.

Ключевые слова: универсализм, суверенизм, либерализм, модель маятника

Введение

Под суверенизмом чаще всего понимают доктрину, которая поддерживает обретение или сохранение политической независимости нации или региона, считая государственный суверенитет более значимой ценностью, чем взаимодействие стран в системе международных отношений. Само понятие суверенизма в большинстве трактовок выглядит крайне неопределенным. Приводимые в литературе примеры реального проявления суверенизма в деятельности политических движений и партий или в практике политических режимов чаще всего совпадают с теми политическими силами, которых в других информационных источниках называют «популистскими». В обоих случаях речь идет о чрезвычайно разнородных политических акторах, зачастую расположенных на разных полюсах политического спектра, в частности в современной Европе. Если в Германии к популистам-суверенистам относят только правые силы (Альтернатива для Германии и Национально-демократическая партия), то во Франции — как правые движения «Вставай, Франция» (Debout la France) и

Национальное объединение (Rassemblement national, бывший Национальный фронт), так и левые, включая «Непокоренная Франция» (France insoumise) и отчасти движение «желтых жилетов», хотя политический профиль последних трудно однозначно определить; в Греции – крупную левую партию «Сириза» и маргинальную крайне правую «Золотая заря» (в октябре 2020 года партия была признана греческим судом «преступной организацией» и запрещена); в Италии – неофашистскую организацию CasaPound Italia, национал-консервативные Fratelli d'Italia и Лигу (бывшая Лига Севера), а также левую Коммунистическую партию. В последние годы политическая картина мира стала выглядеть еще более мозаичной, поскольку, идею суверенизма ныне поддерживают не только правые и левые радикалы, но и центристы, включая такие политически респектабельные силы как Консервативная партия Великобритании или Республиканская партия США. В связи с этим, представляется сомнительной целесообразность описания столь разнородных политических сил при помощи единого концепта, будь то суверенизм или популизм.

Универсализм – еще менее определенное понятие. При всем многообразии его трактовок в философии, общим для них является лишь его противопоставление индивидуализму и партикуляризму (отдельности). Также несомненно, что в человеческой истории универсализм появляется вместе с религиями, рассматривающими универсум как господство (во всех смыслах этого слова) единой фундаментальной истины, которая может предстать в разных обликах, но всегда ориентирована на спасение людей усилиями внешних, божественных сил (King 2002: 8–25). Этот моральный абсолютизм религиозных концепций универсализма отчасти преодолевается в современном либерально-демократическом универсализме. Амартия Сен, автор концепции «развитие как свобода», полагает, что подобный универсализм не подавляет и не поглощает ценности национальные, а взаимодействует с ними и таким образом широко распространяется, перекрывая государственные, этнические и религиозные границы (Sen 1999: 3–17).

В данной статье мы анализируем взаимосвязь универсализма и суверенизма в их отношении к либерализму, используя для характеристики современного типа взаимосвязи между ними аналогию с новыми тенденциями в методологии точных наук. Современная математика способна оперировать таким термином как «дискретная непрерывность», отражающим единство таких, казалось бы, несовместимых противоположностей, как дискретность и непрерывность; квантовая физика оперирует синкретическим единством волны и частицы. На наш взгляд, такой синкретизм может служить моделью и для общественных наук, хотя пока в восприятии общественных явлений преобладает неоправданная дифференциация и категоричность, что видно на примере жесткой демаркации либерального универсализма от якобы заведомо нелиберального суверенизма. Пока такая демаркация встречается чаще, чем попытки поиска их *взаимной дополнителности*. Мы надеемся, что эта статья будет содействовать внесению корректив в методологию анализа указанных феноменов. Нынешняя методология противопоставления непродуктивна уже потому, что не отражает специфику современного либерально-демократического универсализма. Такой универсализм отличается от всех исторически предшествующих ему авторитарных форм, прежде всего от имперского

универсализма, в любом его проявлении, в том числе и от «либерального империализма». Модель такого империализма сформулировал Нил Фергюссон, ратующий за появление или возрождение сверхдержавы-поводыря, навязывающей человечеству единый либеральный миропорядок (Ferguson 2005). На наш взгляд, подлинный, демократический либеральный универсализм иной – он не навязывается силой (включая и soft power) и невозможен без опоры на интересы и инициативу суверенных государств.

«Мой дом – моя крепость»: либеральный партикуляризм vs христианский универсализм

Противопоставление идеи суверенного государства либерализму совсем недавнее, по историческим меркам. Классический либерализм формировался на противоположных идеях и противостоял ценности суверенитета, индивидуализма и частной жизни религиозному универсализму, господствовавшему в средневековом мире. Одним из первых такую точку зрения изложил Джон Локк.

Как известно, первая часть его сочинения о политическом устройстве государства «Два трактата о правлении» была написана в 1689 году в форме дискуссии с клерикальной, патриархально-авторитарной теорией Роберта Филмера, изложенной в трактате («Патриарх и естественная власть короля»). Согласно теории Филмера, монархи всего мира обладают универсальными правами верховной и абсолютной власти над подданными, подобно тому, как библейские патриархи обладали правами по отношению к своим родам на основании естественного права отцовства, данного волею Бога. Выступить против правителя означает идти против Бога. Этот принцип легитимации абсолютизма стал со временем основным для авторитарной идеологии и затем многократно воспроизводился в истории. В России ее яркими примерами выступают как доктрина Сергея Уварова («Православие, самодержавие, народность») середины XIX века, так и «Манифест Просвещенного Консерватизма» за подписью Никиты Михалкова начала XXI века (Sborov 2010: 11).

Новаторство Локка состоит, прежде всего в том, что он был первым, кто противопоставил клерикальному безличностному универсализму, либеральный партикуляризм с его гимном свободе человеческой воли. Он дал иную, чем Филмер, трактовку понятию «естественных прав» как природных, а не божественных, и впервые обозначил верховенство личности в концепции «общественного договора», предложенной до него Томасом Гоббсом. Идеи Локка были значительно ближе, чем у обоих названных его предшественников, к нормам протестантской этики, предполагающей, что Бог поощряет усердие и инициативу личности больше, чем послушание. Указанное сочинение Локка было опубликовано сразу же после «Славной революции» 1688 года и отражало господствующие в Англии настроения, обусловившие свержение короля Якова II Стюарта, защитника католицизма, и передачу трона лидеру европейского протестантизма того времени, Вильгельму Оранскому, а также принятие парламентом первого в истории акта о правах человека – «Билля о правах» (1689 г).

Вторую часть трактатов о правлении, опубликованную в 1690 г., Фридрих фон Хайек назвал «Конституция свободы», первой теоретической концепцией политического либерализма (Hayek 2011). Свобода, по Локку, существует только там, где каждый человек признается «владельцем собственной личности». Право частной собственности является важнейшим «естественным правом» (данным от природы), при этом понятие «собственность» Локк трактовал широко – как право людей на жизнь, личную свободу, личное имущество (Lock [1688]1988: 28).

Основные положения теории свободы Локка неразрывно связаны с идеей суверенного государства не только как института, но и как места, пространства, в котором реализуются «общественный договор», идея «общего блага» и защищаемые ими естественные права человека. По Локку государство *служит человеку домом-крепостью, защищающей, его жизнь, семью, достояние и собственность* (Lock [1690]1988: 137–405). Эти построения Локка во многом опирались на «Доктрину Крепости» («Castle Doctrine»), проистекающую из английского обычного права, которое определяет не только неприкосновенность места жительства (жилище, поселение, страна), но и ценность партикуляризма. Эта доктрина была сформулирована примерно за век до написания трактатов Локка о принципах справедливого правления. Во всяком случае Эдвард Кок, крупнейший английский юрист елизаветинской эпохи, ссылается на эту доктрину, как на утвердившуюся норму, в своем обобщающем труде по английскому праву, вышедшем в 1628 году, за шесть десятилетий до сочинений Дж. Лока (Baker 1972: 59–86.) Этого времени было достаточно, для превращения как «*Castle Doctrine*», так и партикулярных ценностей в культурную традицию. Они успели стать частью английского массового сознания, английской национальной культуры и закрепится в народной пословице: «Дом англичанина – его крепость».

Размышляя о «Доктрине Крепости» и связанной с ней английской культурной традиции, мы невольно сравниваем разные исторические пути Великобритании и России. В первой с XVII века прочно закрепилось восприятие государства как *крепости, защищающей своих граждан, от посягательств на их естественные права*, а в Российской империи в это время еще и два с половиной века спустя (до 1861 год) сохранялось «*крепостное право*». Люди, именовавшиеся «крепостными» и, в большинстве своем представляющие ту же этничность и конфессию, что и господа, были узниками крепости, фактически находясь в рабской зависимости от государства и его аристократии.

Либеральный суверенизм vs имперский универсализм

Американский либерализм зарождался вместе с идеей независимости США как суверенного государства-нации. Декларация Независимости, написанная Томасом Джефферсоном с поправками Джона Адамса и Бенджамина Франклина, призывала соотечественников американцев к восстанию против Британской империи, опираясь на идеи Локка (Ericson and Green 1999). У Американской революции и борьбы за независимость, судя по Декларации, одна и та же цель: установление республики, основанной на либеральных идеях – гарантиях личной свободы, обеспеченных

общественным договором как государственным правлением по воле и с согласия управляемых. Европейские революции 1848–1849 г. («Весна народов») носили либеральный, во всяком случае антифеодальный, характер и, безусловно, сочетались с национально-освободительным движением. Прежде всего, такая связь проявлялась в национально-освободительных движениях в «лоскутной» Австрийской империи (Rapport 2009). Либерально-национальный пафос «Весны народов» захватил Германию, Данию, Италию и Британскую империю (неудавшаяся попытка революции в Ирландии 1848 г.), а спустя 14 лет ярко проявился в западных провинциях Российской империи. Здесь идеи «Весны народов» в полной мере отразились в длительном вооруженном восстании 1863–1864 гг., которое неправомерно называют только польским. В действительности в рядах повстанцев были представители разных этнических групп (Makowski 1999: 385) и это восстание, направленное против русификации и за обретение независимости национальных провинций, охватило обширную территорию, входящую ныне в состав Польши, Литвы, Беларуси и Украины.

К концу XIX в. сложились теоретические основы либерального национализма. Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» (1882 г.) называл «глубоким заблуждением» смешение понятий «этнографии» (сейчас бы сказали – этничность, *ethnicity*) и «нации». По его мнению, этнографический фактор не играл существенной роли при образовании французской нации и других современных наций, поскольку они сформировались из смешения разных этнических групп. Современные французы потому и являются единой нацией, что для них не имеет значения, кто из них произошел от галлов, римлян или германцев. Ренан понимал под нацией всех французов полиэтничный французский *народ-суверен* как добровольное объединение граждан. По мысли Ренана, существование нации, соединенной принципом народного суверенитета и добровольной гражданской солидарностью, вовсе не предопределено какой-либо универсальной силой: ни судьбой, ни божеством, ни властелином. Такой суверенитет нужно постоянно подтверждать в повседневной гражданской активности: «Существование нации – это повседневный плебисцит» (Renan [1882]2018).

Если идея суверенных государств-наций и либерализм зарождались как идейно родственные, то универсализм в истории человечества рождался как враждебное либерализму явление и к началу XX века воспринимался как альтернатива либеральному индивидуализму и партикуляризму. Так его характеризовал энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона (1890–1907), в статье «Универсализм», в которой его определили, как «этическое мирозерцание противоположное индивидуализму». Реальные исторические проявления универсализма до середины XX века также не давали оснований для иной его оценки. Религиозный универсализм мировых религий (христианский универсализм, универсализм исламской уммы и халифата) покоится на идее универсального господства божественной воли и имеет мало общего с либеральной идеей свободы воли личности. Консервативно-имперский универсализм в Европе времен господства «Священного союза» (1815–1830 гг.) вошел в историю как эпоха реакции и господства клерикально-монархической идеологии, направленной на повсеместное подавление политического и религиозного свободомыслия. (Rapport 2009) Подобному

реакционному универсализму в сфере международных отношений сопротивлялась либеральная общественная мысль, противопоставляя ей суверенизм-изоляционизм. Стоит напомнить об этом на примере американского общества, чтобы показать различные периоды крутых колебаний исторического маятника либерализма.

Почти два века, со времен основания США и до 6 апреля 1917 г., даты вступления страны в Первую мировую войну, основной внешней политики Америки был изоляционизм. Выразительной иллюстрацией этого принципа, в сугубо либеральной его трактовке, служит знаменитая фраза Т. Джефферсона: «Свободная торговля со всеми; военные альянсы ни с кем» (Flyvbjerg 1998: 215). Почти всю Первую мировую войну Америка сохраняла верность этому принципу, вступив в войну лишь незадолго до ее окончания, и вскоре вновь подтвердила свою стратегическую, изоляционистскую позицию. 19 марта 1920 года Конгресс США своим решением не позволил США стать членом Лиги Наций. Зато после Второй мировой войны Америка стала лидером глобального мира и основным проводником идей нового, только народившегося в это время либерального универсализма.

Инверсии либерального либерализма

Термин «инверсия» хорошо описывает содержание процесса изменений взаимоотношений, роли, перестановку мест суверенизма и универсализма применительно к либеральным ценностям.

В XVIII–XIX вв. становление либерализма было связано с его противостоянием универсализму (патриархальному, клерикальному и имперскому). С середины XX века и до начала нового столетия наблюдалась противоположная тенденция – универсализм стал концентрировать в себе либеральные ценности, а суверенизм постепенно приобретал образ нелиберального явления. К вопросу о справедливости такой оценки суверенизма мы еще вернемся, а пока остановимся на том бесспорном обстоятельстве, что ценности либерального общества после Второй мировой войны действительно стали более значимыми для мирового сообщества, получили глобальное распространение и, в каких-то аспектах, превратились в универсальные нормы. Прежде всего этот тренд характерен для системы международного права.

Первым документом, закрепляющим ценности либерализма в международном праве, стала «Всемирная декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблей ООН 10 декабря 1948 года. Она превратила важнейший принцип либерализма – приоритет права человека, в международную, глобальную правовую норму. До этого времени, данный принцип был достоянием лишь узкого круга стран мира: в Англии он отразился в «Билле о правах» 1689 г.; в Америке – в Декларации независимости США 1776 г.; во Франции – в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Другим важным документом послевоенного времени стало Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), заключенное в 1947 г. с целью восстановления экономики, разрушенной мировой войной. Этот акт на протяжении более 50 лет содействовал фактической либерализации мировых экономических связей. Все это стимулировало процессы экономической и информационной

глобализации или, иными словами, интеграции мировой экономики и, отчасти, мирового информационного пространства, несмотря на сохраняющийся раскол мира на политические блоки – «восточный» и «западный».

Утверждению в глобальном мире либерального универсализма содействовала «третья волна демократизации» 1974–1991 годов. В ходе этого исторического транзита существенно возросло число государств (в Южной Европе, Латинской Америке и Азии, в коммунистическом мире), признавших, по крайней мере декларативно, либерально-демократические ценности (Huntington 1991). Важную роль в формировании либерального универсализма сыграли, усилия либеральных мыслителей. Например, Раймон Арон, Уолтер Ростоу, Джон Гелбрейт и ряд других либеральных интеллектуалов в 1960-е и 1970-е годы сформировали и придали своим авторитетом популярность концепции глобального индустриального общества, функционирующего на основе идей гражданских свобод и свободного экономического обмена (Pressman 2013).

В 1980–1990-е годы Дэвид Бэлл, Сэймур Липсет и Фрэнсис Фукуяма обосновали признаки всемирной победы ценностей либерализма, «конец идеологии» и даже «конец истории», в условиях перехода мира от индустриальной в постиндустриальную эру. В это время либерализм стал приобретать признаки исторического провиденциализма, характеризующего человеческую историю как предопределенный процесс, развивающийся по некому предначертанному сценарию. Такой взгляд на мир характерен больше для религии, чем для научных воззрений. Тем не менее, именно такой образ мысли, далекий от рационализма, стал доминировать, на наш взгляд, в указанное время в либеральном сообществе. Он повлиял и на изменение отношения этого сообщества к идее нации и национальных государств, которые в послевоенный период впервые стали рассматриваться как противоположные ценностям либерализма (Pain 2019).

Понятно, почему антинациональные сантименты раньше других проявили интеллектуалы из Германии. Это во многом обусловлено принятой в этой стране и в странах Европы к востоку от нее сугубо этнической концепцией нации как народа, объединяемого только общей этнической культурой (ныне такой феномен называли бы не нацией, а «этносом» или «этнической группой»)¹. Такое понимание нации, обросшее этническими стереотипами и предрассудками и утвердившееся, как в массовом сознании, так и в немецкой науке, в какой-то мере стало предпосылкой сравнительно широкого распространения в Германии нацизма, а после Второй мировой войны, оно же обусловило глубокое отторжение различными группами немецких интеллектуалов не только нацизма, но и идеи нации как таковой. Именно в послевоенной Германии возродилась *марксистская* идея об «отмирании государства» и здесь же эта идея приобрела неожиданных союзников не только в лице

¹ В 1911 г. Фридрихом Майнеке была предложена классификация концепций наций на основе анализа опыта разных стран. Исследователь выделил концепт *Kulturnationen* (культурные нации), характерный для Германии, Австрии и России, и *Staatsnationen* (государственно-политические нации) – народы, объединенными общим государством и его законами. Этот концепт получил распространение во Франции и в англо-саксонском мире (Meinecke 1911).

постмарксиста Юргена Хабермаса, но и таких последовательных либералов, как Карл Ясперс и Ханна Арендт, поддерживавших тезис о пришествии в скором будущем на всей планете новой эпохи – без национальных государств (Pain 2019).

В начале 1990-х годов вера в приближение «постанциональной» эпохи стала доминирующей в мировоззрении либеральных западных элит и зачастую преподносилась как аксиома, не подлежащая обсуждению в силу своей очевидности. По мнению французского политолога Жюль. Деланнуа, противоположная позиция, рассматривающая нацию как устойчивое явление, имеющее большое значение, с гневом отвергалась, поскольку признавалась апологией «закрытого общества», без достаточных на то оснований. «Но, как это часто бывает, – пишет он, – слабость аргументации пытались компенсировать страстью, свойственной проповедникам» (Delannoy 2018: 122).

Вместе с тем, именно на пике обожествления концепции глобальной победы либерального универсализма и несбывающихся прогнозов приближения постанционального мира, маятник общественных взглядов в либеральной среде вновь круто качнулся в другую сторону. Поразительно, но именно в Германии, на родине идеи «постанционального мира», в 1990-е годы произошли события, опровергающие справедливость этой концепции. Деланнуа вспоминая начавшийся в это время процесс второго объединения этой страны, отмечает, что он происходил под переосмысленным в позитивном ключе лозунгом *Wir sind ein Volk* («Мы один народ»):

Вот это действительно ирония истории: настоящее и будущее национальной реальности были подтверждены в том самом месте, где ее конец считался чуть ли не предрешенным. (Delannoy 2018: 123)

Так уже не раз случалась: исторические пророчества известных мыслителей о затухании ценности наций и государств опровергались жизнью в неожиданно короткие сроки. Не успели Карл Маркс и Фридрих Энгельс опубликовать в феврале 1848 г. свой «Манифест Коммунистической партии», в котором предсказывали победу пролетарской солидарности над национальными интересами буржуазии, как грянули революции «Весны народов», и рабочие оказались в числе наиболее активных сил, выступающих за национальные интересы своих провинций, отстаивая их независимость от имперских метрополий.

Вот и в конце XX – начале XXI веков вместо ожидаемого конца наций проявился бурный подъем национально-государственного самосознания в ряде стран мира. В США после теракта 11 сентября 2001 г. возродился культ нации. При этом подъем национального патриотизма оказался сопоставимым с тем, который наблюдался в годы Второй мировой войны (Collins 2012: 383–397). Более того такие настроения оказались весьма долговременными. Спустя восемь после лет тех трагических событий идея национального сплочения была настолько значимой в американском обществе, что Барак Обама поставил во главу угла всей свое президентской кампании 2008 года идею единства нации *One Nation*. К ней он обращал свой знаменитый лозунг «*Yes We Can*» («Да, мы можем») и к нации же апеллировал впоследствии в поисках общественной поддержки провозглашенных им социальных реформ. Следующий президент США Дональд Трамп, выступавший, во многом, как политический антипод

президента Обамы, тем не менее продолжил и еще более контрастно прочертил линию своего предшественника, подчеркивая значимость американской нации. Его знаменитый лозунг на президентских выборах 2016 и 2020 годов: «*Make America Great Again*» («Вернем Америке былое величие»), оказался вовсе не новым: он дословно повторяет лозунг на одном из постеров, использованных еще в президентской кампании Рональда Рейгана 1980 г.²

В первой декаде 2000-х годов стали усиливаться, а к 2020 превратились в мейнстрим, идеи об иллюзорности представлений о конце истории и окончательной победе либерализма (Каган 2008). В это же время многие либеральные аналитики заговорили о смене тренда: о поражении (отступлении) универсализма и начале «эпохи популизма» (“age of populism”) (Krastev 2007) или эпохи суверенизма, как ее сформулировали организаторы нашей дискуссии.

Среди заметных «побед» популизма-суверенизма в Западном мире чаще всего называют голосование за выход Великобритании из Евросоюза (Brexit) и избрание Д. Трампа на пост президента США в 2016 г. К этим же феноменам относят устойчивость и популярность в массах ряд политических режимов, склонных к демонстрации «особого пути» либо в рамках ЕС (в частности, правящие режимы в Польше и Венгрии), либо в мировом масштабе (правительство Нарэндра Моди в Индии, Реджепа Эрдогана в Турции, Родриго Дутерте на Филиппинах). Разумеется, ярчайшим примером «особого пути» по отношению к универсальным международным нормам является российская политика времен президентства Владимира Путина. К числу проявлений суверенизма, вероятно, стоит отнести и движение за независимость в Каталонии, весьма влиятельные сепаратистские движения в Бельгии, в Шотландии и Уэльсе, а также разнообразные группировки «евроскептиков», усиливших в последние годы свое политическое влияние в Германии, во Франции, в Италии и ряде других стран ЕС. Важным фактором роста суверенизма стал европейский миграционный кризис 2015–2016 гг., в ответ на который рядом государств ЕС были введены более жесткие, чем прежде, ограничительные меры в отношении притока мигрантов в их странах. В 2020 г. проявилось самые сильные в послевоенное время тенденции деглобализации («закрытия» границ), вызванные пандемией коронавируса.

Перечисленные проявления суверенизма не вызывают сомнений, но, на наш взгляд, они не связаны напрямую с отступлением от ценностей либерализма. Политику современной России или Турции, разумеется, нельзя назвать либеральной и демократической, но ни Россия, ни Турция никогда не входили в число старых или новых демократий (хотя и претендовали на этот статус в разное время) и потому не могут служить примером отступления демократий от принципов либерального универсализма послевоенного времени, поскольку ни в одной из двух стран не сложилась традиция опоры на этот принцип. Власти США во времена президента Д. Трампа действительно во многом отошли от принципов универсального либерализма, вернувшись, частично, к той его классической модели, которая

² Об этом дает представление плакат: «Ronald Reagan’s Classic 1980 Campaign Poster Challenges Voters: “Let’s Make America Great Again”» <https://www.iagreeetosee.com/portfolio/make-america-great-again/>.

существовала в этой стране на протяжении длительной части ее истории. Джо Байден, избранный 46-м президентом США, обещает вывести страну из международной изоляции, в которую ее завел его предшественник. При этом различия между той политикой, которую проводил Трамп, и ожидаемой политикой его конкурента Байдена, могут быть определены как две разновидности либерализма (той, которая сложился еще во времена Джефферсона и новой – эпохи глобализации). Судя по итогам выборов президентских и в Конгресс США 2020 года, американцы почти поровну распределили свои симпатии между двумя этими моделям. Сказанное, на наш взгляд, относится ко все другим перечисленным проявлениям суверенизма в демократиях современного Запада – все они представляют не столько отступления от либерализма, сколько разные его версии. Консервативная партия в Великобритании, нынешнее руководство которой поддерживает Brexit, не менее либеральная и демократическая, чем Лейбористская партия, выступающая ныне против него. Заметим, что позиции этих партий по отношению к ЕС исторически не раз менялись. На референдуме 1975 г. о сохранении Великобританией членства в Европейском экономическом сообществе, как раз лейбористы выступали за выход из сообщества, а консерваторы были противниками такого шага.

Чрезвычайно важным для понимания сути нашей дискуссии является тот факт, что новый либеральный универсализм, в отличие от прежних, не навязывается внешними силами, а принимается добровольно социальными и политическими субъектами. Во всяком случае, нормы международного права становятся универсальными только после того, как суверенные государства добровольно присоединятся к международным пактам и договорам, а парламенты этих государств, отражая общественные (национальные) интересы и настроения, ратифицируют (или нет) эти правовые акты. При этом конкретные политические шаги государств в отношении принятия или отказа от принятия международно-правовых норм не могут служить индикатором для оценки базовых характеристик политических режимов. Франция, отказавшаяся от подписания «Рамочной конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств» от 1 февраля 1995 г. не перестала быть государством с либерально-демократическим режимом, тогда как Белорусская ССР, присоединившаяся (формально, как член ООН) к «Международному пакту о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г., не стала от этого более демократическим, либеральным и даже суверенным государством.

Уже сама процедура принятия или непринятия международных правовых норм национальными государствами с опорой на их национальные интересы указывает на непродуктивность жесткого противопоставления универсализма интересам национальных государств. А вот изучение причин периодического изменения соотношения ценностей универсализма и суверенизма в демократических странах, представляется весьма актуальным.

И вновь: «мой дом – моя крепость»

Пандемия COVID-19, охватившая мир с зимы 2019–2020 гг. наглядно продемонстрировала фундаментальную закономерность глобализации: *усиление*

взаимосвязи стран и народов мира повышает разнообразные риски и уязвимость всей системы международных отношений, ответом на которые выступает периодический рост потребности к обособлению. Рассмотрим несколько факторов, подталкивающих к суверенизму как относительному обособлению стран в условиях глобализации.

Обеспечение экзистенциальной безопасности людей. Речь идет о защитной реакции государств, вызванной угрозами здоровью и жизни своих граждан в результате распространения вирусов и других инфекций в процессе непосредственного и тесного взаимодействия международных субъектов. В 2019-2020 гг. небывалая прежде взаимосвязь и взаимная зависимость стран мира обернулась чрезвычайно быстрым распространением вируса COVID-19 из одного первоначального очага (отдельные регионы Китая) практически во все другие страны мира. Ответом на это стали разные формы обособления – от ношения защитных масок и соблюдения социальной дистанции в несколько метров, до закрытия границ даже между странами-членами Европейского Союза. Такого рода обособления могут быть (и надеемся, будут) скоротечными, поскольку решение об открытии границ принимаются в считанные дни. Куда дольше восстанавливаются экономические связи. Пандемия усилила процессы изменения географии экономического сотрудничества. Опрос 350 предприятий со всего мира, проведенный компанией DHL в середине 2020 года, показал, что 57% предприятий намерены пересмотреть свои цепочки поставок в сторону их большей концентрации у себя дома, в своей стране или в своем регионе (Ioma & Maуhак 2020). Таким образом «мой дом» снова стал «моей крепостью», защищающей от внешних угроз.

Восстановление экономических связей предполагает серьезную перенастройку экономики, значительные издержки и уже поэтому совсем не обязательно, что все связи будут восстановлены после окончания пандемии. Еще важнее то, что рост интереса к возвращению «домой» инвестиций и производств, в противоположность предыдущей тенденции – вывозу капитала и выносу производств из развитых стран в развивающиеся и в страны «третьего мира» – проявился примерно за десять лет до пандемии, отчасти как восстановительный процесс, после экономического кризиса 2008–2009 гг., но не только по этой причине (Prisecaru. P. 2015: 485–490).

Тенденции национальной реиндустриализации. Еще совсем недавно казалось, что экономика стала безразличной к географическим расстояниям, подчиняясь целям минимизация трудовых издержек, поэтому производство выносилось из стран с высокими трудовыми издержками в страны с низкой стоимостью рабочей силы и низкими же затратами на экологию, социальные нужды и другие непрямые издержки. В таком же направлении шло движение капитала. Однако переход к «постиндустриальному», высоко технологичному производству изменил систему приоритетов. Новые технологии, например, использование робототехники и тотально автоматизированных линий, снижает потребность в низко квалифицированной рабочей силе, поэтому уменьшается необходимость ее поиска за границей. Зато одновременно возрастает спрос на привлечение высоко квалифицированных работников, а этот ресурс имеется в ограниченном количестве государств,

преимущественно в развитых странах. Здесь же сосредоточены и другие условия для концентрации высокотехнологичных производства: соседство индустриальных предприятий с крупными научными центрами; наличие социально-культурной инфраструктуры, соответствующей образу жизни «белых воротничков»; лучшие возможности для обеспечения кибербезопасности и сохранения секретности новых технологий в интересах бизнеса, а также и национальной безопасности. Все это привело к появлению в 2010-е годы нового явления – реиндустриализации стран «первого мира» (Prisecaru. P. 2015). В США, к общим для большинства развитых стран предпосылкам такой индустриализации добавились еще и радикальное (более чем на 50%) снижение стоимости энергоресурсов с 2005 года, в результате освоения новых технологий добычи сланцевого газа. И до этого события в Америке развивались высокотехнологичные производства (компьютеров, электроники, информационных систем, аэрокосмическое производство и др.). Снижение же издержек на энергоресурсы обусловило возвращение в США таких энергоемких отраслей, как производство пластмасс и резинотехнических изделий, электрического оборудования, станкостроения и машиностроения (Shabsis 2018). К 2018 году о планах возвращения промышленных предприятий в США завили такие гиганты как Caterpillar, General Electric, Ford и более половины других крупнейших концернов индустриального профиля. (Shabsis 2018). Тенденция реиндустриализации отчетливо проявилась еще в период президента Б. Обамы, а его приемник Д. Трамп лишь воспользовался этой попутной для него волной, объявив о возвращении промышленных предприятий в США как об одной из своих главных целей. Для ее достижения уже в 2016 г. были созданы, разнообразные институциональные предпосылки, например, сеть специальных организаций The Reshoring Initiative, оказывающих правовую и консультативную помощь бизнесу в возвращении в Америку зарубежных активов и предприятий, а также в увеличении числа рабочих мест в стране. Согласно отчетам этой организации, в 2016 г. впервые потеря рабочих мест в промышленности США не только была возмещена, но и перекрыта на 30 тысяч единиц, а в 2017 г. – уже на 171 тысячу, за счет возвращения производства из-за рубежа (Shabsis 2018).

Аналогичные процессы характерны и для Великобритании, что отчасти объясняет экономическую подоплеку и обоснованность Брексита. По данным аналитических служб ВВС, уже через год после референдума 2016 года и начала процедуры выхода Великобритании из ЕС, чистый приток мигрантов в Великобританию сократился на четверть до минимального за три года уровня, а ведь такое сокращение было одной из ключевых позиций программы сторонников Брексита. При этом сокращение иммиграции не привело к сокращению производства и к оттоку из страны инвестиций. Напротив, Великобритания лидирует в Европе по показателям привлекательности размещения здесь высокотехнологичных производств (фармацевтических, электронных, аэрокосмических и др.). Лондон не только остался главным в Европе хабом (центральным узлом) системы привлечения инвестиций в технологии, но и демонстрирует после Брексита новые успехи в этой сфере. По крайней мере в первой половине 2017 года объем прямых инвестиций в технологический сектор города достиг рекордной суммы в 4,5 млрд фунтов

стерлингов (5,8 млрд долларов), заявили в организации London & Partners, созданной для продвижения бизнеса в городе (BBC 2017).

Политический императив национальной самодостаточности. Задолго до пандемии и без видимой связи с тенденцией национальной реиндустриализации, хотя и одновременно с ней, во многих демократических странах мира стала проявляться повышенная чувствительность политической элиты и рядовых граждан к явлениям, которые трактуются как «ущемления национального достоинства страны».

Во второй декаде 2000-х годов действия, которые ранее считались приемлемыми и даже выгодными для бизнеса и всей страны, вдруг стали восприниматься, едва ли не как как кощунство. Этот термин из религиозной сферы, на наш взгляд, пригоден для описания готовности общества соглашаться со значительными экономическими издержками, под влиянием своих культурно-политических чувств. В 2012 г., накануне летних Олимпийских игр в Лондоне, американский сенатор-демократ от штата Невада Гэрри Райд предложил собрать в кучу и сжечь всю форменную одежду национальной Олимпийской команды этой страны, разработанную американской дизайнерской фирмой Ralph Lauren только потому, что она была сшита в Китае, хотя очевидно, что затраты на фабричный пошив одежды в этой стране существенно ниже, чем в Америке (Baldauf 2012). Этот инцидент не остался незамеченным и вызвал горячую дискуссию в американских масс-медиа. Дело было в период президентства Обамы, демократа, глобалиста и лауреата Нобелевской премии мира, поэтому инцидент закончился мирно, олимпийскую форму, конечно, не сожгли и даже не перешили, но вывод сделали. К следующим играм, к зимним и летним, олимпийскую форму уже шили дома, в Америке, несмотря на удорожание пошива. Более того, этот инцидент, казалось бы пустяковый, затрагивающий сугубо символические ценности, привел к тому, что уже в 2013 г., все еще в бытность Обамы президентом США, Счетная палата страны (The Government Accountability Office) начала проверку всего американского международного сотрудничества в военной области и пришла к выводу, что широкая практика использования американскими военно-промышленными концернами дешевой китайской и корейской электроники при производстве военной техники, оказывается, угрожает национальной безопасности Америки, хотя многие годы такое использование считалось допустимым и экономически выгодным. Подчеркиваем, что такие перемены в настроениях американской политической элиты начались еще при президентстве Обамы, а администрация Трампа лишь придала новые импульсы этому тренду. В ноябре 2020 г., в ходе очередной президентской кампании, Белый дом обнародовал указ, запрещающий государственным органам и частным компаниям США инвестировать в китайские фирмы, которые, по утверждению Вашингтона, контролируются военными организациями КНР (Reuters 2020). В список вошли более трех десятков крупнейших китайских концернов, но их могло быть и больше, поскольку все китайские предприятия так или иначе связаны с китайским правительством – такая связь предопределена характером политического режима этой, все еще коммунистической, страны.

Готовность поставить политический и, отчасти, культурно-символический, императив национальной самодостаточности и независимости выше экономических интересов характерен не только для США. Мы уже отмечали, что у Брексита могли быть экономически основания, но ведь миллионы британцев, проголосовавшие за выход из ЕС, могли и не разбираться в реальности экономических выгод или потерь от этого шага, поскольку его экономическая выгода остается до сих пор весьма проблематичной и дискуссионной. Для многих британцев (прежде всего, англичан, поскольку голосование в Шотландии и в Уэльсе имело иные результаты) были важны, прежде всего, политико-психологические мотивы разрыва с ЕС, которые могли быть выражены примерно в таком рассуждении: «Пусть бюрократы из Брюсселя, и вообще эти парни с континента, не указывают нам как жить Англии». Так принималось решение о приоритете национального капитализма, защищающего от внешних вызовов.

Другим и во многом и во многом особым примером преобладания политического императива государственной независимости над экономическим издержками стало решение правительства Украины (март 2014 года) «о полном прекращении военно-технического сотрудничества с Россией как страной-агрессором» (Pifer 2017). Даже те аналитики, которые подобно Пайферу считают такое решение политически оправданным, все же признают, что оно сопряжено с многомиллионными издержками для Украины, которые, однако, куда мене значимы для нее, чем политические выгоды. У преобладающей части украинского общества стремление к интеграции с сообществом либеральных демократий, сочетается с не меньшим интересом к укреплению государственного суверенитета своей страны, который тесно связан с эмансипацией по отношению к России.

Причины, побуждавшие Америку, Великобританию и Украину к демонстрации суверенизма, весьма различные, но не случайно совпадение исторического времени, в котором эти государства стали считать экономические издержки менее важными, чем политический императив независимости и/или самодостаточности. Уже в конце 1960- начале 1980-е годов антропологами был выявлен культурный парадокс глобализации: ее развитие усиливают противоположные процессы возвратного роста интереса к своей национальной, в том числе и национально-государственной, идентичности (Comaroff 1978). Правда, тогда считалось, что этот рост значимости национального суверенитета и национальной идентичности носит сугубо компенсаторный и защитный характер и присущ лишь сообществам так называемого «третьего мира», отстающего в социальном и экономическом развитии. Однако вскоре подобные процессы стали проявляться и в самых развитых странах мира. Глобализация повсеместно усиливает стремление к локализации и демонстративной самобытности и самостоятельности. Этот парадокс глобализации проявляется не только в культурной, но и в политической сфере.

Социальная усталость от космополитической перегрузки. Еще в конце 1980-х годов, во времена, когда духовные лидеры либерализма были уверены во всемирной победе либеральной демократии, американский социолог Кристофер Лэш обратил внимание на растущий раскол американского общества. Этот раскол был вызван все

возрастающим отчуждением элит от проблем нации, самоустранением элит от поиска ответов на самые животрепещущие и болезненные вопросы повседневной жизни населения, местных и национальных сообществ. Кристофер Лэш назвал данный феномен «*восстанием элит*» и показал на примере США какие перемены привели к этому (Lasch 1994).

В модели классического либерализма, связанного с принципами протестантской трудовой этики, достижение материального достатка и других форм жизненного успеха элитарных групп было связано с утверждением их позитивной, добродетельной репутацией, приобретаемой делами в своей общине, в своем городе на благо жителей местного сообщества и всех соотечественников. К концу XX века успех западных элит в большей мере зависел от личных связей, приобретаемых в глобальном мире, чем в локальном сообществе. Элита стала отдаляться от местного сообщества даже территориально, перебираясь жить в особые привилегированные районы, отделенные от основной массы жителей, или на острова теплых морей. Следом за этим эрозии стали подвергаться институты народного суверенитета, демократии, возросла дистанция между управляющими и управляемыми, между элитой и массой. Параллельно с этим нарастал и проблемы в партийно-политической системе государств западного мира, превращавшуюся по мнению видных западных аналитиков, в «аудиторную демократию», в которой граждане в основном довольствуются пассивной ролью наблюдателей (Manin 1997). Эти выводы подтвердились и дополнились последующими исследованиями Питера Майра, который указал на кризис традиционных партийных систем (Maier 2013). Если в XVIII-XIX вв. элиты были заинтересованы в развитии нации и устранении барьеров для единого национального рынка, то в условиях глобализации ситуация кардинальным образом изменилась: экономические элиты стремятся к уничтожению барьеров уже в планетарном масштабе. Но у экономической глобализации есть весьма существенное ограничение – необходимость поддержания социального мира у себя дома, в государствах, где расположены штаб-квартиры крупнейших международных бизнес-корпораций. Как справедливо отмечается в одном из аналитических материалов ООН, социальная сплоченность является необходимой предпосылкой сосуществования капитализма и демократии (Larsen 2014). Сразу же после подведения итогов выборов возникает важнейшая проблема признания легитимности их результата, которая требует национального консенсуса, поскольку какие-то группы интересов неминуемо оказываются в проигрыше. Значение такого консенсуса, предусматривающего готовность подчиниться невыгодному для тех или иных групп результату, не развязывая гражданской войны или бунтов неповиновения (обычное явление для трайбалистских обществ), особенно высоко в тех случаях, когда общество после выборов раскалывается примерно на равные части, как это случилось с референдумом по Брекситу 2016 г. в Британии или на президентских выборах в США 2020 г. Подобные социальные расколы общества грозят парализовать всю процедуру выборов и уж во всяком случае разрушают атмосферу доверия в стране, доверия, которое и без того слабеет. В 2017 г. корпорация Bloomberg опубликовала результаты своего исследований согласно, которым «уровень доверия к институтам и к людям в США достиг исторического минимума. <...> Единственные два института, помимо

армии, которым [американцы] склонны верить в наибольшей степени – это малый бизнес и полиция. <...> Уровень доверия к СМИ, системе образования, системе здравоохранения и судебной системе – не говоря уже о президенте и Конгрессе – достиг печально низких отметок» (Bershidsky 2017).

Доверие к институтам власти и возможность национального консенсуса во многом зависят от появления и устойчивого воспроизводства «ответственной элиты». Макс Вебер, как известно, связывал успехи капитализма с протестантской трудовой этикой, которая формировала «ответственную элиту», поскольку ее нормы распространялась прежде всего на элитарные слои общества. Именно элите, больше чем простолюдникам, надлежало проявлять свою религиозность и скромность, вплоть до аскетизма; от элит протестантизм требовал доказательств добродетельности, что предполагало получение ими общественного признания при жизни, а не только после смерти (Weber [1905]2002). В начале XX в. Вебер полагал, что современный ему капитализм изменился и протестантская трудовая этика стала универсальной для всего класса предпринимателей, вне зависимости от их религии, и способна к само воспроизводству. Как оказалось, в этом Вебер глубоко ошибся, как известно: «все, что может испортиться – портится» и это относится и к свойствам «ответственной элиты». Жизнь постоянно доказывает: надежды на само воспроизводство культурных феноменов тщетны; все, созданное культурой, требует постоянного поддержания и возделывания, без чего тонкий слой социально ответственной этики легко срывается даже в странах с протестантской традицией. Растущий космополитизм значительной части элиты и ее безразличие к судьбам нации-общества усилили давно накапливавшийся отрыв элит от ценностей и ожиданий большей части населения своих стран. С этим разрывом и с нараставшей дегражданизацией элит, Кристофер Лэш связывал деградацию политических дебатов и то, что он назвал «предательством демократии». Этот вывод был сделан еще в конце 1980-х годов, а в наши дни Энтони Гидденс признает, что мир страдает от «космополитической перегрузки» и находится на пороге реформ перед лицом множественных кризисов, для преодоления которых человечеству предстоит заново создавать «ответственный капитализм» (Giddens 2017). Не менее актуальна задача возрождения ответственных граждан и преодоления раскола гражданских наций. Нынешний суверенизм в значительной мере стал ответом на предшествующий космополитизм, а популизм при всех его недостатках, является понятным для масс ответом на предшествующий элитизм, на рост неравенства, разрыв социальных связей и другие дисфункции гражданских наций. Возросший интерес широких масс к восстановлению и развитию принципа народного суверенитета и национальной идентичности может привести к разным последствиям. Им могут воспользоваться популисты вроде Дональда Трампа, Виктора Орбана или Мари Лепен, однако эти же общественные сдвиги необходимы и для «выздоровления» либеральных демократий от тех хворей, о которых говорили Энтони Гидденс, Кристофер Лэш, Петер Майр и другие выдающиеся аналитики.

Универсализм и суверенизм в эпоху множественной современности

Поведем итог статьи по главной ее теме: *о причинах подъема интереса политических элит в старых и новых демократиях к суверенизму и о том ослаб ли при этом либеральный универсализм, понимаемый как массовая, трансграничная распространенность в мире либеральных ценностей.*

В начале XXI в. в экономически развитых государствах мира проявилась совокупность факторов, делающих их ориентацию на упорядочение внутренней национальной жизни (суверенизм) более приоритетной, чем поддержание и развитие солидарности в глобальном мире. Именно в этих странах в начале 2000-х годов проявилась возможность национальной высокотехнологичной реиндустриализации и потребность в национальной консолидации для преодоления разрывов между демократией и либерализмом, между элитой и массой, между мигрантами и принимающим сообществом. Суверенизм стал также способом самозащиты людей в своем «доме-крепости». Все это отражает частичное возвращение социально-экономического маятника в исходную позицию: государства Запада начали движение от гео-экспансионистского типа капитализма к классической модели «национального капитализма», с его ценностью социального единства и защиты человека от внешнего и внутреннего вызова.

Такой же возвратный маятниковый характер демонстрирует суверенизм и в социокультурной сфере, став, в западных странах, ответом на предшествующий подъем квазирелигиозного универсализма. Верующие мусульмане всегда выражали почтение всемирной исламской умме (общине), однако это обстоятельство не мешало им интегрироваться в европейские национальные сообщества. Мухаммед Аль-Фаед, верующий мусульманин, иммигрант из Египта, начинал свою карьеру в Англии как продавец самодельного лимонада, став впоследствии здесь миллиардером, а его сын – возлюбленным принцессы Дианы. Не менее религиозный бедуйн Моэд Альтрада в юности эмигрировал из Сирии во Францию, и за несколько десятилетий прошел путь от разнорабочего до крупного промышленника, миллиардера, почетного гражданина города Гернобль (The World's Billionaires 2020). Превращение религиозной идеи об исламской умме в политический инструмент для мобилизации мусульман на антизападной, антилиберальной основе начался в 1980-х годах и сохраняется до сих пор. В 1980-е годы в Иране, а затем в арабских странах появились первые ультрарадикальные исламистские организации (Хезболла, ХАМАС Аль-Каида, от которой отпочковался ИГИЛ и др.), признанные ныне международными террористическими. Садик Аль-Азм, почетный профессор Дамасского и Принстонского университетов, выделил в качестве наиболее значимого среди основных признаков исламизма «возрождение понятия исламского джихада (священной войны) в его самых насильственных и агрессивных формах» (Al-Azm 2010: 6-13). Под влиянием этой доктрины и растущей сети ее проповедников с начала 2000-х годов усложняется проблема интеграции мигрантов из исламского мира в европейскую среду, а крупнейшие города западного мира (Нью-Йорк, Париж, Лондон, Берлин, Барселона, Бостон, Стокгольм, Вена и др.) стали в 2001–2020 гг. объектами террористических атак.

Подъем международного радикального терроризм вызвал в ответ мощную волну национальной консолидации в западном мире. Одновременно здесь происходит коррекция политики управления культурным многообразием, а также миграционной политики. Новая модель интеркультурализм (*interculturalism*), выступает ныне антитезой как национал-популизму, ориентирующегося только на интересы «своих», «местных», то есть на этническое большинство, так и коммунитаризму, направленному на защиту (зачастую мнимую) исключительно этнических, расовых и конфессиональных меньшинств. Интеркультурализм направляет острие своей критики на политику, которую неоправданно называют мультикультурализмом, поскольку это иная политика – коммунитаризма, фактического спонсирования государством процессов фрагментации общества, образования в нем замкнутых общин, новых гетто (Bouchard 2011; Emerson 2011: 435–468).

В постсоветском мире суверенизм развивался в те же годы как ответ на сохранение и усиление политики имперского универсализма России, а на Кавказе – еще и Турции. При этом доказательством успешности обретения независимости как многолетней цели и, одновременно, освоения норм либеральной демократии новых независимых государств могут служить уже множество примеров мирной и демократичной смены в них правительств и глав государств (президентов) с заметно различающимися политическими ориентациями. За последние десять лет (2010–2020 гг.) такую тенденцию продемонстрировали Грузия, Армения, Молдова и Украина, не говоря уже о государствах Балтии, которые уже с 1990-х гг. демонстрировали полноценные нормы демократии и оказались менее зависимыми, чем перечисленные государства от постимперских притязаний своих соседей. Для всех этих государств ценность суверенитета остается одной из главных в политической жизни. В связи с этим маловероятно, что термин суверенизм будет приобретать в этих обществах массовую негативную коннотацию, по крайней мере в обозримой перспективе. Зато в «старой» Европе и США подъем суверенизма в начале XXI в. породил алармизм, а то и настоящую панику. Здесь оживились забытые, казалось бы, представления о «закате Европе» и тупике либерализма. Однако ныне становится все заметнее иллюзорность этих страхов. Европейский миграционный кризис, самый крупный после Второй мировой войны, стал спадать уже в 2016 г.; экономический порядок, основанный на свободе экономического обмена и конкуренции, оказался куда более устойчивым, чем предполагалось. Обнаруживается высокая устойчивость либерально-демократической системы даже в тех странах, где популистские лидеры пришли к власти, как в Италии времен коалиционного правительства Лиги и Движения пяти звезд, или в США при президентстве Трампа. Либеральные демократии оказались способными «подминать под себя» популистских политиков. И даже новые демократии с менее развитой корневой системой либерально-демократических режимов, в силу их относительной молодости, демонстрируют высокую сопротивляемость авторитаризму, по крайней мере в электоральной сфере, свидетельствующей о провале на демократических выборах не только про имперских, но и национал-популистских сил. В данном случае мы говорим о молодых, но реальных демократиях, а не о массе мировых политий с «гибридными режимами» и несменяемыми «отцами наций», особый статус которых закреплен такими титулами

как «туркменбаши» (в Туркмении), «елбасы» (в Казахстане), «батька» (в Беларуси) и др. (Wigell 2008: 230–250.)

На наш взгляд, нет оснований для утверждения или предположения, что в современном мире либеральные ценности стали менее универсальными, чем были после Второй мировой войны. Так или иначе, число государств и доля населения, которые руководствуются такими ценностями либеральной демократии как права человека, свобода выбора, экономической и политической конкуренции, ныне больше, чем было не только после 1945 года, но даже и после «холодной войны», завершение которой относят к 1989 году. В то же время мир стал политически более пестрым, чем когда-либо в истории. Ныне сосуществуют разнообразные политические режимы, включая и такие «экзотические» как наследственная диктатура с плановой экономикой (династия Ким в Северной Корее) или пожизненные диктатуры с преимущественно капиталистической формой хозяйствования (Беларусь, Туркмения, Узбекистан и др.); многочисленные вариации трайбалистских режимов в Африке и др. Однако даже при такой политической пестроте проявляются характерное для глобализации усиление взаимосвязи государств мира.

Нет признаков умирания европейских международных организаций. Евросоюз сохраняется даже после объявления Брексита и выхода из ЕС Великобритании. Не свидетельствуют о распаде ЕС и коррекция «центростремительной» модели этого сообщества на конфедералистскую («Европа разных скоростей»), концепцию, одобренную большинством ее членов в рамках Римской декларации 25 марта 2017 г. (Rome Declaration 2017). Не только не умирает, но и возрождается ценность либеральной, по своей сути, идеи прогресса и модернизации, хотя однолинейная концепция модернизации, описывающей этот процесс как движение в направлении к единому образцу по версии «конца истории», уступает место модели «множественной современности» («multiple modernities») о которой писал Ш. Эйзенштадт, а затем развивали его ученики (Eisenstadt 2000; Kedar 2017). Эту коррекцию образа истории, общественного развития безусловно нельзя назвать отступлением от ценностей, сложившихся в мире после Второй мировой войны. Напротив, это – признак возвращения человечества к реализму, характерному для либерального мировоззрения, направленного на демифологизацию общественной жизни и «расколдовывание мира» (Entzauberung der Welt), по выражению М. Вебера.

Усиление взаимосвязи элементов системы неизбежно повышает ее зависимость от слабейшего звена. В условиях растущего разнообразия условий жизни и политических режимов в различных государствах увеличивается и количество слабых звеньев в международной системе. Следовательно, возрастает вероятность защитного обособления государств. Ныне мы все стали испытываемыми как в процессе роста уязвимости стран, распространения по миру инфекций, так и защитного обособления государств. Но также очевидно, что и спасения от пандемии, как и от многих других глобальных угроз, в подавляющее большинство стран может прийти только извне, из узловых центров научно-технического прогресса, в которых изобретают вакцины от Covid и другие инструменты защиты от многих мировых напастей. Следовательно, как раз в эпоху множественной современности принцип

взаимоотношений универсализма и суверенизма изменяется: они не только сменяют друг друга на вершинах новых исторических волн, но и актуально демонстрируют принцип взаимной дополнительности.

Библиография:

- Al-Azm, Sadiq Jalal . (2010) Orientalism, Occidentalism, and Islamism. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* 1: 6–13.
- Baker, John (1972). Coke's Note-Books and the Sources of His Reports. *Cambridge Law Journal* 30 (1): 59–86.
- Baldauf, Ken. (2012). What's behind the 'outrage' over Chinese-made US Olympics uniforms? CS Monitor, June 13, <https://www.csmonitor.com/World/Keep-Calm/2012/0713/What-s-behind-the-outrage-over-Chinese-made-US-Olympics-uniforms> (accessed February 10, 2021).
- BBC. (2017). London “still Europe's top tech hub”, *BBC*, 4 July, [URL:https://www.bbc.com/news/business-40496569](https://www.bbc.com/news/business-40496569) (accessed February 10, 2021).
- Bershidsky, Leon. (2017). The West's biggest problem is dwindling trust. A decline in social capital drives surprising electoral outcomes. *Bloomberg*, 4 January, <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-01-04/the-west-s-biggest-problem-is-dwindling-trust> (accessed February 10, 2021).
- Bouchard, Gerard. (2011). What is interculturalism? *McGill Law Journal* 56 (2): 435–468.
- Collins, Randall. (2012). Time — Bubbles of Nationalism: Dynamics of Solidarity Ritual in Lived Time. *Nations and Nationalism* 18 (3): 383–397.
- Comaroff, John L. (1978). Rules and Rulers: Political Processes in a Tswana Chiefdom. *Man, New Series* 13 (1): 1–20.
- Delannoy, Gilles. (2018) Elitarnaya natsiofobia: pochemu rasprostranennoe v elitah nepriyatie natsii nesostoyatelno [from Rus: Elitist naziphobia: why is the widespread rejection of the nation in the elites untenable]. *Neprikosnovennyi Zapas* 6, https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/122_nz_6_2018/article/20546/ (accessed February 10, 2021).
- Eisenstadt, Shmuel Noah. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus* 129(1): 1–29.
- Emerson, Michael (ed.). (2011). *Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models*. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011.
- Ericson, David, Green, Louisa Bertch (eds.). (1999). *The Liberal Tradition in American Politics. Reassessing the Legacy of American Liberalism*. London, N.Y. Routledge.
- Ferguson, Niall. (2005). *Colossus: The Rise and Fall of the American Empire*. New York: Penguin Group.
- Flyvbjerg, Bent. (1998). Habermas and Foucault: thinkers for civil society? *British Journal of Sociology* 49 (2): 210–233.
- Giddens, Anthony. (2017). We are suffering from 'cosmopolitan overload' and a huge task lies before us – to create responsible capitalism. *Economic Sociology & Political Economy*, 15 November, <https://economicsociology.org/2017/11/15/giddens-we-are-suffering-from-cosmopolitan-overload-and-a-huge-task-lies-before-us-to-create-responsible-capitalism/> (accessed February 10, 2021).
- Global Terrorist Organizations. (2020). Global Terrorist Organizations (list). *World Statesmen*, [nd], <http://www.worldstatesmen.org/Terrorist.html> (accessed February 10, 2021).

- Hayek, Friedrich August. (2011[1960]). *The Constitution of Liberty: The Definitive Edition*. In Ronald Hamowy, ed. *The Collected Works of F. A. Hayek*, v. 17. Chicago: University of Chicago Press.
- Huntington, Samuel P. (1991). *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, OK: University of Oklahoma Press.
- Iom, M., Mayhak, H. (2020). De-globalization. The pandemic is accelerating the development of the regional economy. *Internationale Politik und Gesellschaft*, 27 October, <https://www.ipg-journal.io/regiony/mir/deglobalizacija-1171/0https://www.ipg-journal.io/> (accessed February 10, 2021).
- Kagan, Robert. (2008). *The Return of History and the End of Dreams*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group.
- Kedar, Benjamin et al. (eds.). (2017). Dynamics of Continuity, Patterns of Change: Between World History and Comparative Historical Sociology. In *Memory of Shmuel Noah Eisenstadt*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities and The Van Leer Institute.
- King, Richard. (2002). *Orientalism and Religion: Post-Colonial Theory, India and 'The Mystic East'*. London: Routledge.
- Krastev, Ivan (ed.). (2007). *The Anti-American Century*. Budapest: Central European University.
- Larsen, Christian Albrekt. (2014). Social cohesion: Definition, measurement and developments. *UN Official Website*, [nd], [URL:https://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2014/LarsenDevelopmentinsocialcohesion.pdf](https://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2014/LarsenDevelopmentinsocialcohesion.pdf) (accessed February 10, 2021).
- Lasch, Robert Christopher. (1994). *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. London, New York: W. W. Norton & Company.
- Locke, John. (1988). *Dva traktata o pravlenii [from Rus.: Two Treatises on Government]*. Moskva: Mysl, 137–405.
- Mair, Peter. (2013). *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso.
- Makowski, Krzysztof. (1999). Poles, Germans and Jews in the Grand Duchy of Poznan in 1848: From coexistence to conflict. *East European Quarterly* 33(3): 385–400.
- Meinecke, Fridrih. (1911). *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. München; Berlin.
- Pain, Emil A. (2019). Krizis liberalnoj demokratii na zapade – rasplata za elitizm i rvanye znamena grazhdanskoj nacii [from Rus: The crisis of liberal democracy in the West is a reckoning for elitism and the "torn banners" of a civil nation]. *Fond liberalinaya mysl*, 13 February, <http://liberal.ru/trends/krizis-liberalnoj-demokratii-na-zapade--rasplata-za-elitizm-i-rvanye-znamena-grazhdanskoj-nacii> (accessed February 10, 2021).
- Pifer, Steven. (2017). The growing Russian military threat in Europe. Assessing and addressing the challenge: The case of Ukraine. *Brookings*, 17 May, <https://www.brookings.edu/testimonies/the-growing-russian-military-threat-in-europe/> (accessed February 10, 2021).
- Pressman, Steven (ed.). (2013). *The Legacy of John Kenneth Galbraith*. London: Routledge
- Prisecaru, Petre P. (2015). EU Reindustrialization on the Coordinates of Scientific and Technical Progress. *Procedia Economics and Finance* 22, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212567115002439#> (accessed February 10, 2021).
- Rapport, Mike. (2009). *1848: Year of Revolution*. New York: Basic Books.
- Reuters. (2020). Factbox: List of 31 Chinese companies designated by the U.S. as military-backed. Reuters, 13 November, <https://www.reuters.com/article/uk-usa-china-securities-companies-factbo>

idUKKBN27T09E?taid=5fae32762d5e68000115fba6&utm_campaign=trueAnthem:+Trending+Content&utm_medium=trueAnthem&utm_source=twitter (accessed February 10, 2021).

Rome Declaration. (2017). Declaration of the leaders of 27 member states and of the European Council, the European Parliament and the European Commission. *Euronews*, 25 March, <https://www.euronews.com/2017/03/25/full-text-read-the-rome-declaration-signed-by-the-27-eu-leaders> (accessed February 10, 2021).

Sborov, Afanasiy. (2010). Pridvornaya propoved' [from Russ.: The court sermon]. *Komersant Vlast'* 43: 17.

Sen, Amartya Kumar. (1999). Democracy as a Universal Value. *Journal of Democracy* 10 (3): 3–17.

Shabsis, A. (2018). Industrial production returns to the US. *Peoples.Ru*, March, <https://www.peoples.ru/photo/alexander-shabsis-34949024.shtml> (accessed February 10, 2021).

The World's Billionaires. (2020). *The World's Billionaires*, [nd], <https://www.forbes.com/billionaires> (accessed February 10, 2021).

Weber, Max. (2002[1905]). *The Protestant Ethic and The Spirit of Capitalism*. New York: Penguin Books.

Wigell, Mikael. (2008). Mapping 'Hybrid Regimes': Regime Types and Concepts in Comparative Politics. *Democratization* 15(2): 230–250.